

УДК 9(с18)(092)

Историк о времени, о политике и о себе: ретроспективный взгляд

Л. В. Занданова

Восточно-Сибирская государственная академия образования, г. Иркутск

В статье прослеживается жизненный путь автора – доктора исторических наук, профессора, отмечающего свое 55-летие. Определены основные этапы становления личности, выявлены факторы, определившие профессиональную стезю ученого, влияние на его жизнь общественно-политической ситуации того или иного периода.

Ключевые слова: автобиография, историк, ретроспективный взгляд, советская политика, формирование личности ученого.

Просьба редакции журнала подготовить юбилейную статью о себе заставила задуматься над сутью всего того, что в обиходе принято называть «жизненный путь», попытаться с помощью ретроспективного метода самой создать «автопортрет на фоне истории». Поскольку статья предназначена для журнала из серии «Политология», то в ней, конечно же, должна быть и политика. Была ли политика частью моей более чем полувековой жизни? Риторический вопрос. Во-первых, была, есть и будет, поскольку жить и быть вне политики – это нонсенс. Во-вторых, жить в Советском государстве и быть вне его политики – это, на мой взгляд, абсолютная нереальность. Другое дело, как ты сам ощущаешь государственную политику, чувствуешь ли ее влияние на те или иные стороны жизни, определяет ли она что-то в ней или просто существует как фон? Ответ на эти вопросы один: вся моя жизнь – тонкое переплетение нитей, название которым – «я», «моя семья», «моя страна», «моя эпоха». Словно магический узор на искусном ковре из этих разноцветных хитросплетений сложилась я – человек, о котором я и пишу.

То, что вы сейчас читаете, скорее, по жанру не научная статья, а автобиографический очерк. Историки знают, что биографический жанр – один из самых трудных, но он же и один из самых интересных. Нет таких людей, которых бы не захватывали рассказы о жизни родителей, знакомых, случайных попутчиков или, на худой конец, книги из серии «ЖЗЛ» и «Пламенные революционеры». Поскольку я никаких подвигов не совершала, к замечательным людям себя не отношу, то задача моя и проще, и одновременно сложнее: я должна не просто реконструировать картину жизни одного конкретного человека, в данном случае меня самой, восстановив последовательность событий, проследив их взаимосвязь, но и понять их значение, реальное влияние на судьбу человека, на становление как личности. Говоря языком историка, с помощью историко-генетического метода не просто рассказать о себе, а уви-

деть себя в пространстве и во времени, и увидеть время и пространство в своей жизни, проследить причинно-следственные связи происходивших событий, их политической составляющей, человеческих отношений.

Начать это исследование, как и подобает профессионалам, следует с источников, основным из которых является свидетельство о рождении. Символична дата моего рождения – 1955 год. Это год десятилетия со дня окончания Великой Отечественной войны. Два года без Сталина. Эпоха новых имен и новых надежд. Начало этапа активного индустриального освоения Восточной Сибири. Период интенсивного развития сельского хозяйства региона. Место рождения: Иркутская область, село Балаганск – большое старинное сибирское село, а затем уездный город на берегу Ангары, единственной реки, вытекающей из зера Байкал и несшей в ту пору его воды вплоть до впадения в Енисей, знаменитое на всю округу.

Необыкновенная по красоте и суровости сибирская природа, уникальный опыт выживания – все это определило специфический менталитет жителей приангарских сел. Государственная политика в отношении заселения и освоения сибирских окраин – столетия ссылки, уголовной и политической, массовые добровольные переселения; близость к одному из крупнейших сибирских городов – Иркутску – тоже сделали свое дело. Балаганск был окружен небольшими деревеньками, образованными переселенцами из «Рассеи». Оттуда происходят мои родители – Антонина Николаевна Серёдкина и Виктор Иванович Бережных. Соседство русских, бурят, евреев, татар, украинцев, поляков, эвенков, интернационализм и, как принято говорить сегодня, толерантность, перерастали во взаимовлияние культур, родственные связи.

Моя семья – это мои жизненные университеты. По истории моей семьи можно изучать историю Сибири. Дедушка и бабушка по материнской линии, Пелагея Дмитриевна и Николай Тимофеевич, жили в ясачной деревне Долгановой. Дед, участник I мировой, после революции возглавил коммуну, боролся против отступавших колчаковцев и банды Развозжаева. Колхозная жизнь дала возможность выбраться из нищеты, поднять на ноги пятерых детей, приучить их к труду, дать им хоть какое-то образование.

Родители отца жили в деревне Кузнецовой, они были более зажиточными, чем родители мамы. Родная мать папы умерла, когда ему было всего семь лет, а двум сестренкам – и того меньше. В семье была еще одна девочка – Катя, которую вывезли из голодающей Республики немцев Поволжья в 1921 г. Мои дедушка и бабушка записали ее на свою фамилию, научили разговаривать по-русски, и она для моего отца навсегда осталась старшей сестрой. Овдовев, мой дед, фронтовик, георгиевский кавалер, привел детям новую маму, свою однофамилицу – Бережных Ольгу Иннокентьевну. Так появилась у нас в семье бабушка, вырастившая меня и мою сестру. Эта необыкновенная женщина воспитала приемных детей и родила мужу еще троих. Это – яркий образ простой русской, сибирской, а затем и советской женщины, ангарки по рождению, складу характера и ума. Про нее разговор особый. Когда в 1932 г. семью Бережных раскулачили и вместе со всеми детьми отправили в ссылку в тайгу, в пути она похоронила прямо в снежном сугробе только что рожден-

ного сына. После возвращения из ссылки семья осталась без дома и хозяйства, пришлось идти работать в только что созданный в селе Балаганск совхоз «Первомайский». О своих родителях, раскулаченных в начале 1930-х и сосланных на Маму, моя бабушка так ничего и не узнала до самой смерти. Только сейчас стало известно о судьбе ее брата, Иннокентия, который был расстрелян, как и ее муж, в 1938 г. Когда начались массовые репрессии, моего деда, скотника совхоза Ивана Григорьевича, и двух его родных братьев арестовали. В живых из них остался только Георгий, прошедший через архангельские лагеря ГУЛАГа. Ольга Иннокентьевна стала вдовой с пятерыми детьми на руках. Через два года после смерти мужа она и вовсе осталась одна с малыми детьми: старшего, Виктора, моего отца, призвали в армию, и вся тяжесть крестьянской жизни легла на ее в прямом смысле слова хрупкие плечи.

До 1947 г. мой отец прослужил в Красной Армии в Маньчжурии. Имея клеймо «сын врага народа», не смог стать офицером, не получил ни заслуженных наград, ни высшего образования. Вернувшись из армии, благодаря курсам, на которых он начинал учиться до войны, но так и не успел закончить, стал работать бухгалтером в совхозе «Первомайский».

Моя мама после окончания семилетки поступила в Иркутскую фельдшерско-акушерскую школу. Вторая половина 1930-х гг. – время в материальном плане тяжелое, но и радостное – молодость, учеба, жизнь в городе, куда уже из деревни перебралась старшая сестра, бежавшая из колхоза. Работать в колхозе приходилось от зари до зари, начиная с раннего возраста, платили мало, правда, когда подросли оба брата, стали работать в колхозе на тракторе, жизнь стала лучше. Трактористам за выполнение нормы платили больше, чем всем остальным колхозникам, а по праздникам давали подарки: гармошку, кусок кумачовой ткани, из которой мать шила рубашки, пластинки с песнями о Ленине. Когда началась война, маме, совсем еще молодой женщине, у которой на руках был только что родившийся ребенок, досталась ответственная работа: она была и фельдшером, и санитарным врачом, и заведующей здравотделом в Тулунском районе. Она в мороз ездила к больным на лошади за десятки километров, принимала роды. После войны жизнь развела ее с первым мужем, но вновь свела с моим отцом, ее одноклассником, которого мой брат сразу стал звать папой.

Все мое детство и юность прошли рядом с бабушкой. Здравый практический ум, природная мудрость, тяжелая судьба приучили ее никогда никого не осуждать, всем помогать, не грустить. На всю округу она славилась гостеприимством, была также известной «песельницей», знала множество поговорок и частушек.

В Балаганске был особый жизненный уклад, особые человеческие отношения. В это время туда приехало много молодых специалистов по всесоюзному распределению, все вместе отмечали праздники, устраивали бал-маскарады, концерты. В универмаге появились первые китайские товары с этикеткой «Дружба», духи «Сирень», в магазине сельпо десяток яиц можно было обменять на жестяную баночку тахинной халвы. Появились новые соседи – вернувшиеся из Китая эмигранты, пожилая супружеская пара, русские интеллигенты, у которых я любила проводить время.

Индустриальное освоение Приангарья «тяжелой колесницей проехало» по селам и деревням, попадавшим в зону строительства мощных ГЭС: Иркутской, Братской, Усть-Илимской. Казалось, только что началась новая жизнь: ударными темпами иркутяне поднимали целину, распахав много земли вокруг нашего села, стали собирать по 20 центнеров пшеницы с гектара, как грянули перемены: пришло время сниматься с насиженных мест, переезжать на более высокие, не доступные водам искусственных морей, переносить не только свои дома, но и могилы предков, вырубать леса, бросать поля, расчищая лоно будущих водохранилищ.

Мои родители приняли мудрое решение: «детей надо учить». Так мы оказались в Шелехове, молодом городе алюминщиков. Последнее воспоминание о «старой» жизни – школьная линейка для первоклассников в поселке Первомайский 1 сентября 1962 г., на которой директор школы объявил о том, что именно сегодня открыты створы Братской ГЭС и воды Ангары начинают заполнять лоно будущего «морья»: – «Дети, когда вы вырастите, на месте вашего родного села будет море, и вы будете говорить, что родились на дне морском». И действительно, там, где родилась я, мои брат и сестра, наши родители и их родители, сегодня – Братское море.

Переезд в город – это следующий этап моего становления. Главное в нем – школа. Школа стала важной частью жизни, она была первой в городе во всем. Новое большое здание, молодой коллектив учителей во главе с молодым директором. Много друзей, участие в жизни пионерской и комсомольской организаций школы и города, в конкурсах, олимпиадах, смотрах самодеятельности, работа в школьном музее. Тяга к литературе: все новые книги в школьной библиотеке я прочитывала одной из первых. Моим самым любимым учителем была учительница литературы. Именно она помогла понять глубину и красоту русской поэзии и прозы, научила грамотно излагать свои мысли на бумаге.

Моя мама была и сейчас остается (а ей в этом году исполнилось 90 лет) человеком с активной жизненной позицией, она также умела делать все по дому. При не очень больших заработках наших родителей, служащих среднего звена, в семье не жалели денег на наше развитие. Мы с сестрой были постоянными покупателями в книжном магазине, по великому благу мама доставала подписку на собрания сочинений русских и советских классиков, ежегодно перечень выписываемых нашей семьей газет и журналов составлял не менее 20–25 наименований. Родители отправляли нас летом в гости к родственникам, которые жили по всему Союзу, чтобы мы как можно больше путешествовали и могли лучше узнать нашу страну.

В средней школе родители решили дать мне музыкальное образование, но поскольку для фортепиано места в нашем доме, где жили я, мои родители, бабушка, старшие сестра и брат, для него не нашлось, купили аккордеон, самый большой, «на вырост», на котором я не доставала до нижних кнопочек. Училась я недолго, но любовь к хорошей музыке осталась на всю жизнь. Я стала довольствоваться призовыми местами на городских конкурсах чтецов и участием в городском клубе поэтов при газете «Рассвет коммунизма». До сих

пор помню названия стихов, которые я читала со сцены: «Партия и Ленин – близнецы-братья ...» Маяковского, «Смерть пионерки» Багрицкого и тему сочинения на конкурсе, где я заняла первое место: «Помни комиссарскую породу, никогда ее забыть не смей!».

Несмотря на мою активную деятельность в пионерской организации, бесплатной путевки во Всесоюзный пионерский лагерь «Артек», которыми обычно награждали отличников и активистов, мне не досталось, пришлось родителям заплатить 162 рубля за мое пребывание в «Артеке». Но оно того стоило: первый раз я увидела Черное море, познакомилась с замечательными вожатыми и ребятами из разных уголков Советского Союза.

В старших классах появились новые увлечения в виде КВНов, которые мы проводили на разные темы. Особенно нравилось нам участвовать в КВНах в пионерском лагере, который был традиционной формой отдыха практически всех советских детей. Мы сами писали сценарии, подбирали музыку, готовили костюмы. Казалось, передо мной была прямая дорога – филфак ИГУ, где я два года занималась на подготовительных курсах. Но, «испугавшись» тетрадок, я выбрала иной путь – исторический факультет пединститута. В то время поступить на истфак было гораздо труднее, чем учиться, конкурс – пять человек на место. Я была счастлива, когда поступила на этот необыкновенно интересный факультет, где работало много молодых талантливых преподавателей, в том числе и мой будущий научный руководитель, авторитет и учитель по жизни, В. Г. Тюкавкин.

В институте все время происходило что-то интересное: выпуск стенгазет, Ленинский зачет, экскурсии по городу, слет пионервожатых, пионерская практика, но самое главное – факультетские вечера и КВНЫ. Коллектив преподавателей при всем своем высоком научном и педагогическом статусе был довольно демократичным и не любил отрываться от молодежи: совместные вечера, посвященные разным торжественным датам или Новому году, демонстрации трудящихся и поездки в колхоз на сельхозработы, воскресники и научные конференции. Каждый год – пионерская и педагогическая практика. Во время учебы мы читали много исторической и художественной литературы, а за журналом «Иностранная литература» стояли в очередь. А развлечения! Тогда еще не было дискотек, а были просто вечера в актовом зале с настоящим паркетом, где можно было танцевать не только современные «семьсоток» и «летку-енку», но и вальс. А традиционное «Посвящение в студенты»! К нему готовились задолго, его помнили всю жизнь. А смотры художественной самодеятельности! На факультете учились талантливые люди. У нас был даже свой вокально-инструментальный ансамбль, занявший первое место на областном конкурсе «Молодость. Творчество. Современность». В свободное время мы с удовольствием ходили на ФОП (факультет общественных профессий), где я закончила отделения искусствоведения и художественного слова. Мы ходили на все выставки и гастроли театров, а когда не было мест в зале, устраивались в осветительной будке. Тогда, во второй половине 70-х, была очень популярна эстрадная музыка, джаз, и мы с подругами не могли пропустить оперу Д. Гершвина «Порги и Бесс», которую в филармонии ис-

полняли московские артисты. На третьем курсе мы с подругой поехали на каникулах в путешествие по стране: Москва, Владимир, Суздаль, Минск. Интересно было посмотреть старинные русские города, побывать в местах, овеянных воинской славой. Особое впечатление на всю жизнь осталось от Хатыни.

Из поездки мы привезли много вещей, которые у нас в городе можно было купить только на «барахолке» за высокую цену, да и то не всегда: пластинки с записями иностранных ансамблей, туфли на «платформе», французские духи, а главное – джинсы. Это был предмет, дававший человеку особый статус, своего рода символ того, что ты – современный, стильный человек, немного свободнее, западнее, что ли, чем другие.

Окончание института совпало с моим замужеством. Поскольку в вузах существовала жесткая система распределения на работу, мне предстояла поездка в сельскую школу на целых три года. Когда я торжественно объявила нашему декану, что выхожу замуж, он предложил: «Распишись за самую дальнюю школу, все равно ты туда не поедешь». Так я осталась в Шелехове, а далекая тофаларская школа осталась без учителя истории.

В школу я все-таки работать пошла. Учителей истории в школах было достаточно, но мне повезло, во-первых, потому, что моя свекровь работала директором школы и знала всех остальных директоров, во-вторых, в это время открывалась еще одна новая школа. В моем дипломе было записано «квалификация – учитель истории и обществоведения», но мне дали вести только уроки истории, поскольку обществоведение имели право преподавать только члены КПСС, а я была всего лишь комсомолкой.

Поскольку я пришла в школу позже всех остальных учителей, мне достался класс, от которого все уже успели отказаться раньше. Так началась моя преподавательская загалка. Правда, все это в моей жизни продлилось недолго, вскоре я родила сына и перешла на работу в Дом пионеров, который уберег меня от некоторых сложностей в жизни. Перед увольнением я выслушала сначала мнение директора о том, что я совершаю преступление, оставляя школу, поскольку из меня мог бы получиться настоящий учитель, затем практически навсегда испортила отношения со своей учительницей истории, обвинившей меня в том, что я изменила истории, «бегу из школы в поисках легкой жизни». Несомненно, работать с пионерским активом или вести кружок было легче, чем уроки истории в школе, но именно это обстоятельство и помогло мне придти к твердому убеждению о необходимости дальнейшей учебы и позволило поступить в аспирантуру в Москве. И тогда началась моя «легкая жизнь», продлившаяся без малого двадцать лет.

Моя историческая стезя получила новый импульс в связи с моим выходом замуж. Родители моего мужа, инженера-строителя по образованию, были учителями. Более того, мой свекр, Владимир Иванович Занданов, так же, как и я, закончил исторический факультет педагогического института, только почти на 30 лет раньше меня. У нас с ним сразу сложились наилучшие отношения, он рассказывал о том, что ему пришлось пережить в своей жизни, а жизнь у него была суровой, как и у большинства поколения 20-х гг. Родился он в большой бурятской семье, родители и дяди были грамотными людьми, стремились дать всем детям образование, крестили по православному обы-

чаю. По старинной бурятской традиции маленького Володю взял к себе на воспитание старший брат отца, у которого был единственный сын, студент московского вуза. В 1930-е гг. приемных родителей моего свекра сначала раскулачили, потом расстреляли отца, колхозника, и сводного брата, уже политработника Красной Армии, и еще девять человек близких родственников. Так он стал сыном врага народа и с эти клеймом прожил до 1990-х, до начала реабилитации невинно расстрелянных жертв. Владимиру Ивановичу удалось убежать в город, избежав тем самым ареста, получить профессию учителя истории, пройти в Великую Отечественную от Волги до Вены, и всю свою жизнь он, будучи глубоким патриотом своей Родины, как мог, учил своих учеников истории такой, какую знал сам, а не такой, какая была написана в учебнике.

Свекровь была тоже из семьи раскулаченных, на войне погиб ее брат, и всю жизнь она несла в себе страх и перед голодом, который пережила в ссылке в начале 30-х, и перед войной, и перед партией, которой исправно платила взносы, была делегатом разных съездов и депутатом горсовета, но боялась парткома, горкома, выговоров и прочих строгостей советской власти.

Наверное, все это вместе взятое повлияло и на характер, и на взгляды моего мужа, уровень знаний и интеллект которого я не могу сравнить со своим.

После рождения сына мне предложили должность в горкоме комсомола, но я уже в это время я не видела себя комсомольским работником. Мой научный руководитель диплома, В. Г. Тюкавкин, который в это время переехал на работу в Москву и заведовал кафедрой в Московском государственном пединституте им. В. И. Ленина, настойчиво предлагал заняться научной работой. Постепенно мы с мужем стали едины во мнении, что мне нужно поступать в аспирантуру. Поскольку в г. Иркутске была аспирантура только по специальности «история КПСС», а аспирантуры по специальности «отечественная история» не было, мы решили ехать в Москву все вместе, несмотря на то, что мужу аспирантки прописка в столице положена не была.

Московский период – важная страница в нашей жизни – начался с вереницы похорон руководителей государства, траурных флагов на улицах, с аренды квартиры и поисков работы для мужа, которой в Москве было хоть отбавляй, но отсутствие прописки являлось главным препятствием. В конечном итоге через полгода мытарств знакомые помогли с пропиской, и мой муж устроился на работу, сын пошел в первый класс, а я стала работать над диссертацией. Переезд в Москву дал возможность «живого» общения с научным руководителем и другими учеными, работы в архивах и библиотеках, приобщения, как говорили раньше, к культурным ценностям.

Я с большой охотой работала над диссертацией, но сложность представляло то, что многие материалы хранились в архивах под грифом «секретно» и допуска к этим источникам у меня не было. Несмотря на это, когда диссертация была готова, я отнесла ее в Главлит, где поставили штамп «секретных сведений не содержит». Особенностью этого периода было то, что к власти в партии пришел М. Горбачёв. Началась перестройка, сопровождавшаяся антиалкогольной кампанией, банкеты в ресторанах были запрещены и в день моей защиты несколько членов диссертационного совета, которых я пригласила к

себе домой «на пельмени», вынуждены были добираться до нас при строгой конспирации, как истинные подпольщики.

Возвращение в Иркутск и начало работы на кафедре истории России совпало со многими важными процессами в общественно-политической жизни страны. Кандидатом наук я стала, не будучи членом КПСС, что было редкостью в то время, однако поддалась на уговоры секретаря парткома, которому нужно было выполнять план приема в партию, да и надежды на обновление нашей жизни подтолкнули к тому, что в конце 80-х я была принята кандидатом в члены, а в 1990 г. – в члены КПСС. Не успев начаться, моя партийная карьера на том и закончилась.

Все 90-е годы – сложнейший период поиска истины во всем. Конечно, я по роду своей деятельности и по происхождению не была абсолютно несведующей в том, какая история официально существует в нашей стране, а что было на самом деле. Начался процесс реабилитации, и мне довелось держать в руках личные дела моего расстрелянного деда, оклеветанных и расстрелянных деда и дяди моего мужа. Были подняты в архиве документы, свидетельствующие о жестокостях раскулачивания наших родственников.

На этой волне у меня вновь проявился интерес к научным изысканиям, я вновь вернулась в МГПИ им. Ленина (теперь уже МПГУ) в качестве докторанта. Появилась возможность работать в архивах, вплоть до архива Политбюро ЦК КПСС, со многими фондами, с которых была снята секретность. Весь последующий период – это годы моего становления как педагога, преподавателя истории, научного руководителя. Это стремление занять свое, а не чужое, место в жизни, максимально передать ученикам свое видение истории и жизненный опыт, традиции нашего вуза и кафедры, сохранить память об учителях, простоту и человечность в отношениях – все то, что было привито мне моими родителями и учителями. Как сказал М. М. Жванецкий, вот такие у меня «впечатления от автобиографии».

Historian about Time, Politics and Herself: a Retrospective View

L. V. Zdanova

Eastern-Siberian State Academy of Education, University, Irkutsk

The article follows the biography of Doctor of Historical Sciences, Professor who has accomplished her 55-th anniversary. The principle stages of individuality formation are determined. The factors defined the professional path of the scientist are revealed. Besides the influence of social-political events of certain period on her life is shown.

Key words: autobiography, historian, retrospective view, soviet policy, scientific individuality formation.

Зданова Лариса Викторовна – Zdanova Larisa Viktorovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, the Eastern-Siberian State Academy of Education, Irkutsk, e-mail: zdanova@mail.ru